
Николай Никонов
СКАЗКИ
ЛЕСА

НИКОЛАЙ НИКОНОВ

СКАЗКИ ЛЕСА

Николай Никонов

СКАЗКИ ЛЕСА

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1986

84Р7
Н64

Н $\frac{4803010102-001}{М158(03)-86}$ 75-86

СКАЗКА
ПРО ВЕСНУ

Слыхал я от старого-престарого лесника, как он Весну живую видел. Сидела она апрельским утром в голом осиннике на пенёчке, молодая тоненькая девушка, лицо светлое, глаза весёлые, голубые, косы зелёные из мелких листьев, сарафан из незабудок, в руке подснежников белых пучок.

— Кто ты такая? — спросил, испугался старик.

А она тепло-тепло улыбнулась.

— Весна я...

Тихо сказала, будто ветерок прошелестел, и растаяла Весна, исчезла, как голубой туман. А может, это туман и был, только мне всегда кажется, что весну такая вот девочка с зелёными косами делает.

Стоял март над притихшей землёй. Раньше теперь поднималось солнышко, теплее грело, и в ясные полдни сияли ручейки, серел снег да длинные ломкие сосульки звонко плакали по уходящей зиме.

А молодая Весна пряталась на пригревах, и хоть никто из людей её не видел, а все говорили, что она пришла.

Глухая Зима не хотела сдаваться. Вдруг подует ледяными ветрами, завьёт метелью, волчьим голосом завоет в трубах — глядь, и одолела будто, скрыла под белым озимком всю работу Весны.

Ненадолго скрыла.

Снова Весна берётся за дело. Летит на подмогу южный ветер, разгоняет тучи. И пятится Зима, огрызается, ползёт к себе за полярную тундру, на вечные льды, в студёное море.

А Весна играет и радуется, топит снег, бурлит ручьями, поёт жаворонком, пробуждает почки.

Будто с волшебной палочкой идёт она по земле и говорит зверькам, букашкам и травам: «Пора! Вставай! Проснись!»

Первой очнулась зелёная озимь. Тысячи острых травинок вздохнули, приподнялись, стали тянуться к солнцу и свету. И цветы тоже пробуди-

лись: жёлтая мать-и-мачеха, синяя медуница, белый подснежник, голубая пролеска раскрыли по лугам свои венчики, развернули бутоны. И во всём лесном мире все радовались, просыпались, потягивались, протирали глаза. Ведь весна — это утро года.

Тощая лохматая медведица выбралась из своей берлоги, повела на прогулку лобастых медвежат.

Ёж катался по влажному дёрну, снимал с иголок листья, которыми укрывался от холода.

Жук-рогачик выполз из трещины в берёзовом пеньке. Он раскрывал крылья, приплясывал и гудел.

И бабочки вылетели из-под коры.

И лягушки спешили в болота из моховых кочек.

И серые ящерицы грелись на солнышке.

А из-за тёплых морей, из далёкого далека летели птицы. Днём и ночью под самыми тучами раздавался говор пролётных стай. «Мы домой! Домой! Домой!» — на разных языках посвистывали, курлыкали, гоготали и пищали они.

Много было радости, когда возвращались они на свои болота, на весёлые лиственные опушки, к родным дуплам и знакомым кустам. Тут журавли принимались плясать, козодои хлопать крыльями, кукушки смеяться, стрижи и ласточки носиться в воздухе, а мелкие птички насвистывать звучные песни.

В полную силу вошла весна. Яркой зеленью оделась земля. Так уж повелось, что у каждого времени свой цвет. У весны зелёный, у лета красный, у осени жёлтый, а у зимы белый.

А когда земля была одета, цветы раскрылись и птицы свили гнёзда — исчезла зелёная волшебница Весна. Говорят, до следующего года прячется она по глухим трущобам, в холодных родниках да на дне глубоких озёр.

БЕРЁЗОВЫЙ ЛИСТОК

История первая

В маленькой почке, закрытой тонкой коричневой кожицей, свернувшись, спал листок. В лютую стужу, когда от холода стонали сосны и берёзы, мороз так и колол нежную почку ледяными иглами.

Но кончилась долгая зима. Солнце всё сильнее пригревало землю. Прилетели пёстрые зяблики, и теперь всюду звенели их бойкие песни.

Снег таял на полях, и чёрные важные грачи неторопливо расхаживали по проталинам.

Старая берёза согрелась, и от её корней вверх по стволу стал подниматься тёплый сладкий сок. Дошёл сок и до почки-колыбели, принёс воду и пищу. Листок проснулся и начал расти в темноте. День и ночь бежал сок, день и ночь рос листок. Тесно ему стало внутри почки, он понатужился — щёлк! — лопнула почка, и листок выглянул на свет. Яркое солнце ослепило его, и он замер от восторга, глядя на новый, незнакомый мир.

А кругом всё сияло и зеленело. Пели птицы. Подснежники улыбались, качаясь на тонких ножках. Даже мрачная ворона с выщипанным хвостом, сидевшая на толстом суку, казалась доброй. Она кланялась солнцу и, закрыв от удовольствия глаза, во всё горло кричала: «Карр, карр! Весна! Весна!»

Листочку тоже захотелось с кем-нибудь поделиться своей радостью, он оглянулся, но, когда увидел рядом на ветке крошечные сморщенные листья, огорчился. «Наверное, мы самые некрасивые»,— подумал листок.

В это время по лесу пробегали маленькие ребятишки. Одна русая девочка остановилась под старой берёзой и закричала:

— Смотрите, смотрите, на берёзе распустились листочки! Какие они нежные, клейкие!

И ребятишки, подняв головы к голубому небу, долго глядели на зелёный наряд берёзы, потом вспомнили, что сегодня первый день каникул, и с криками пустились дальше по лесной тропинке.

А листок долго не мог успокоиться. Ему была приятна похвала детей, и он тихо-тихо шелестел об этом другим листьям.

МУРАВЬИНАЯ ХИТРОСТЬ

Поселились чёрные муравьи на лесной опушке. Выбрали место солнечное, сухое и тёплое около кривой берёзы, под маленькой ёлочкой, прямо в зарослях диких цветов. Стали таскать сосновые иглы, мелкие сучки, прошлогодние травинки — стал расти муравьиный дом не по дням, а по часам. Ключом кипела весёлая работа. Поднимался муравьиный городок над травой выше белой и розовой кашки, выше жёлтых одуванчиков, выше золотоголовых лютиков, выше самых высоких ромашек. Вот он уже почти поравнялся с маленькой ёлочкой, но ни на один день не останавливались шестиногие труженики. С первым лучом солнца разбега-

2 Заказ 150

лись они по протоптанным дорожкам во все стороны. Кто собирал хвоинки, кто искал дохлых букашек, кто пил древесный сок и набирал его побольше, чтоб других напоить, кто выносил сор из муравейника, кто копал землю. Дел у муравьёв было по самое муравьиное горло.

С одними куколками хлопот не оберёшься! Настанет прохладная ночь — перенесут муравьи куколок поглубже, сложат кучкой, чтоб не простудились. В жаркий полдень куколкам душно, надо их по всему муравейнику разложить. А дождь пойдёт — всего хуже. Протекает хвойная крыша, сыро в муравьиных квартирах. Едва схлынет ненастье, несут муравьи куколок наверх, сушат на ветру, в тени. На солнце нельзя вынести — солнце куколкам вредно.

Так возятся и хлопочут, пока не лопнет на куколках тонкая шкурка, и вылезут на свет молодые муравьи, белые, мягкие, слабенькие. Очень они нежные, надо их кормить, пока не затвердеет у них мягкая кожа и станет чёрной, как у взрослых насекомых.

Видите, как много дел у муравьёв. Но они никогда, нигде, никому не жаловались. Ведь жить и работать — это и есть самое большое счастье на земле.

Наверное, и сейчас жили бы трудолюбивые букашки под своей корявой берёзой, если б не повадился летать к их небоскрёбу дятел-муравьед. Прилетит, уцепится за берёзу, вытянет длинный язык. Прилипают к нему муравьи, как мухи к липучей бумаге.

Раз прилетит — нет ста муравьёв, два прилетит — нет двухсот, десять раз прилетит — нет тысячи.

Испугались муравьи, что съест их дятел помаленьку, бросили свой дом, глубже в лес ушли. Построили новое жильё в густом осиннике. Стали жить-поживать, а новая беда уже на носу.

Пришли в осинник рогатые лоси. Едят осиновые веточки, топчут землю широкими копытами. Тысячи муравьёв шутя раздавили, а муравьище с землёй сровняли.

Ещё дальше ушли муравьи. Забрались они в еловую глушь. Темно тут и сыро, как в подвале.

Плохо жить, когда солнца нет и покою тоже. А хозяин елового леса бурый медведь уже разыскал муравьиный городок. Как захочется медведю кисленького поесть, придёт он к муравьищу, ляжет на передние лапы, раскроет пасть с жёлтыми клыками и ждёт.

Тысячами кидаются на врага храбрые букашки, лезут ему прямо в рот, а он только облизывается да головой косматой мотает. Наестся, разгребёт муравейник и уйдёт восвояси.

Долго думали муравьи, куда им деться. На ветках гнездо построить —

птицы склюют, под землю забраться — всё равно разорит медведь. Думали, думали и наконец придумали.

«Пойдём мы на старую вырубку, отберём у жуков-златок широкий пень и поселимся в нём».

Послали вперёд разведчиков, тронулось всё муравьиное племя через лес, через опушку, на заросшую кустами вырубку к большому пню.

Бронзовые жуки-златки даже воевать не стали. Как покрылся пень чёрной кашей муравьиного войска, выскочили златки из своих щелей, разлетелись кто куда. С тех пор спокойно стало маленьким труженикам в крепком пеньке. Выгрызли они удобные комнаты и кладовки, перенесли своих куколок, живут, горя не зная. Дождь их не мочит, ночью тепло, дятел не залетает, лосям не растоптать. А подойдёт медведь, попробует лапой — велик пень, не под силу лесному хозяину. Фыркнет он, поворчит, пойдёт себе прочь не солоно хлебавши.

КТО ПОСЕЛИЛСЯ В ЕЛОВОМ ЦАРСТВЕ?

Стоит на моховом болоте дремучий ельник. Глянешь направо, глянешь налево, обернёшься назад — всё ели вокруг, ёлки да ёлочки. В еловом лесу мало света. Растут там мягкий кукушкин мох, олений лишайник и ягода клюква. Напрасно сеятель-ветер заносит сюда семена цветов, крылатки берёз, летучки сосен. Бородатые ели не дают им расти, закрывают солнце широкими лапами. Живут в ельнике пушистые совы, клесты-крестоклювики, и угрюмая птица глухарь прячется в зелёной трущобе. Здесь царство тишины, безветрия и мрака.

«Никого никогда не пустим в свои сырые дебри,— скрипят и шепчут хмурые ели.— Здесь мы хозяева, здесь наша земля».

И всё-таки какой-то отважный пришелец появился в еловом царстве. Тоненькой веточкой проглянул он из мха под самой широкой, могучей елищей. Она не замечала его, как не замечала чахлые ростки берёз, изредка появлявшиеся у подножия ствола. К чему волноваться? Всё равно они завянут в темноте.

Но упрямое деревцо росло и росло, тянулось вверх, упёрлось макушкой в еловые лапы. Хочешь не хочешь, а пришлось старухе потесниться. С удивлением глянула она на шелковистую, длинную, мягкую хвою деревца и заскрипела:

— Я живу уже триста лет. Я самая большая на весь лес, но никогда, никогда не видела такого дерева. Оно не похоже на мою родную сестру пихту — у ней короче мягкая хвоя, это и не тётка моя сосна — у той

колючие твёрдые иглы. Странное дерево! Даже на дальнюю нашу родню лиственницу не похоже — ведь лиственница сбрасывает хвою к зиме.

— Кто ты? Как попало сюда? — спрашивали деревцо молодые красивые ёлки.

Деревцо молчало, потому что не научилось ещё еловому языку. А было это вот как.

На восток от мохового болота, за синими горами, стоял кедровник такой же густой, как еловая чаща. Там росли тяжёлые шишки с мелкими вкусными орешками. Часто залетали в лес пёстрые птицы-кедровки, близкие родичи ворон, долбили шишки крепкими клювами, ели орехи или складывали их в укромные местечки.

Одна запасливая кедровка натаскала орехов полное дупло.

«Придёт зима — будет мне что поклевать»,— рассуждала птица. Каждый день прилетала она проверить: цел ли запас, и скоро заметила, что орехи стали убывать. Кто-то тайком таскал их из дупла.

— Карр,— сердито сказала кедровка.— Как смеют ворровать мои припасы! Спрячусь и подстерегу рразбойников!

Тут же порхнула она на вершину кедра и притаилась в густых ветвях.

Ждать пришлось недолго. На дереве появился рыженький зверёк с пушистым хвостом, с кисточками на кончиках ушей. Пугливо озираясь, он прыгал с ветки на ветку.

— А-а, белка! Ну, задам я тебе,— проворчала кедровка.

Едва зверёк заглянул в дупло, едва взял первый орех, как раздался трескучий крик:

— Карр! Карраул! Держите воровку!

С орехом в зубах белка кинулась прочь, перескакивая с вершины на вершину.

Следом с шумом и карканьем неслась кедровка.

Белка знала: с кедровкой шутки плохи. Кедровка родня вороны, ворона — сестра во́рона, а во́рон дружит с ястребами и орлами, и клюв у него такой, что может перекусить белку пополам.

Да и у кедровки клюв — что стальное долото.

— Держите, держите! — кричала птица.

Белка прыгала на землю, взлетала на макушки, мчалась, как ветер, распуская хвост.

«В ельник! Скорее в ельник! Я нырну в такую чащу, что меня никто не найдёт»,— думала она, ловко увёртываясь от разъярённого преследователя.

Вот и большая ель! Но тут птица настигла белку и так больно ударила воровку клювом, что та пискнула, и орешек вылетел у неё изо рта, скользнул по веткам, упал между кочек.

Белка убежала. Улетела кедровка. А орех? Он полежал в тёплой сырости, укрепился корешками в земле, пустил ростки, стал кверху тянуться. Так и вырос в еловом лесу маленький кедр — самое лучшее хвойное дерево.

ВОТ И ЛЕТО!

Важно приходит красное лето, цветами одевает землю.

Цветёт сирень, распускается рябина, липы осыпаны медовым цветом. Тепло, сухо, весело в лесу. Всё там славно зеленеет и блестит на солнышке. Птичий хор не смолкает в кустарниках. Каждая птичка поёт полным голосом — славит ясные зори, тёплые дни, грибные дождики. С песнями строятся домики-гнёзда. Их складывают, вьют, ткут и лепят. Ласточки — из глины, сороки — из веток, пеночки — из травы, зяблики — из мха.

Разве одни птицы рады лету? Нет. И насекомые, и зверьки, и ящерицы, и лягушки тоже довольны. Сколько кругом зелени, ягод, гусениц, мошек и цветов! Ешь вдоволь, пей росу, купайся в дождевых лужах, прыгай по мягкой травке, прячься от врагов в густой листве.

Если бы спросить самого слабенького жука, самую крошечную золотоглазую мошку, что лучше всего на свете, они бы сказали разом: «Лето! Тёплое, красное лето!»

Быстро бегут дни. Глядь, уж вместо цветов везде коробочки с семенами, ягоды, зёрна, колоски. Они зреют, чтобы потом упасть на землю, улететь с ветром, дать новую жизнь.

Теперь идут в лес люди. И они хвалят доброе лето. В каждом лесном уголке спрятались его подарки. Вот бурая крупная брусника, от которой пахнет росой. Вот ромашки в белых юбочках из лепестков. А там, под берёзами в траве, целая семья крепких грибов-боровиков в коричневых беретиках.

Ничего даром не пропадёт. Если не найдут люди — возьмут лесные жители. Дрозды склюют ягоды. Жуки и белки съедят грибы. Бабочки выпьют цветочный сок. Шмели соберут пыльцу.

Проходит август. К закату клонится лето. Сохнет его наряд. Будто ранняя седина, проглядывают в сплошной зелени жёлтые листочки. Уже налились хлеба, согнулись до земли. Это прощальный поклон от уходящего лета.

3 Заказ 150

БЕРЁЗОВЫЙ ЛИСТОК

История вторая

Пришло лето. Листва на берёзе выросла, потемнела, и берёзовый листок теперь целые дни нежился в солнечном тепле, рос, зеленел и всю жизнь думал прожить вот так, без заботы.

Но однажды кто-то сильно задел его единственную ножку, и он увидел толстого червяка, такого же зелёного, как и сам листок.

— Зачем вы сюда пришли? — испуганно обратился листок к толстому червяку.

— Я гусеница бабочки-пяденицы, мне нужна пища,— прошипел тот и стал неторопливо измерять весь листок. Изогнётся дугой, подтянет хвост к голове, снова вытянется. Так злая гусеница обмерила весь лист.

— Хорош,— прохрипела она,— очень хорош!

— Послушайте, оставьте меня,— пролепетал листок, но гусеница, не слушая, изогнулась и впилась в его нежную мякоть двумя кривыми зубами-жвалами.

Плохо пришлось бы бедняге, если б не заметила его несчастья синица-пухляк. Она жила в дупле этой корявой берёзы, кормила чумазых птенцов и целый день лазила по ветвям — берегла берёзу от врагов. Увидела она, что листок в беде, и кинулась на помощь. Но гусеница схитрила. Она приподнялась на хвосте, вытянулась и замерла. Ветки зелёные, листья зелёные, и гусеница зелёная, как сучок небольшой торчит. Найди-ка её. Однако синица была очень умная, не поверила таким хитростям. Села на ветку, посмотрела бойким глазком внимательно. Цап! — и унесла вредителя в дупло голодным птенцам — только гусеницу и видели!

Едва оправился листок от страха, едва зарастил рану, как новая беда пришла: полчища пузатых мелких букашек-тлей появились на листе.

Вначале листок и внимания не обратил. «Что они сделают мне, такие крошечные»,— подумал он.

А тли хоть и маленькие, да вредные. Вытащили они тонкие хоботки-кинжалы и воткнули в листок — сок стали пить.

От боли скручивается лист, сохнет, а тлей всё больше да больше. Видимо-невидимо. Тли тоже зелёные и всё под листом прячутся.

Прилетит синица, посмотрит — нет никого сверху, а под листок заглянуть не догадается.

Вдруг прожужжал кто-то над берёзой и опустился на ветку.

Это был жучок — божья коровка, круглый, по бокам точки чёрные, красный панцирь огнём горит.

Забрался он под листок и обрадовался. Сколько тут тлей! А тли для коровки — что для нас конфеты!

Кинулся жук на букашек и давай их есть. Ел, ел, очистил листок, отдохнул, раскрыл лаковые крылышки и улетел, а листочек опять стал поправляться, темнеть, зеленеть и, когда дул ветер, шёпотом рассказывал ему о страшных букашках.

КТО ПОМОГ ДИКОЙ ЯБЛОНЕ

На толстой-претолстой дикой яблоне появились чёрные злые гусеницы. Со всех сторон были они покрыты колючими волосками и очень походили на те щётки-ёршики, какими моют бутылки.

Гусеницы грызли побеги и листья — яблоня редела.

Первым заметил беду пёстрый дятел. Он прилетел к умирающему дереву, ловко уцепился за ствол и схватил своим длинным липким языком первую гусеницу.

Схватил — и выплюнул. Ай, как обожгли его колючие волоски, словно пучок старой крапивы!

Дятел потряс головой и задумался: «Как помочь яблоне? Кто съест страшных волосаток? Может быть, пеночка?»

И он полетел разыскивать пеночку, серую, тонкую, робкую птичку.

— Фюить, фюить! Что ты, что ты? — пропищала она, испуганно мигая глазёнками.— Я даже смотреть на них боюсь. Они такие страшные! У меня тонкий клюв, я нежная птичка. Нет, нет! Боюсь, боюсь. Лучше попроси синичку — она бойчее меня.

— Оччень, оччень любопытно,— сказала белощёкая синица.— Я не проччь, я не проччь.

Ещё бы! Ведь на весь лес не было такой бойкой, юркой, любопытной птицы, как синичка.

Она помчалась к яблоне и смело цапнула самую крупную, самую страшную гусеницу.

Но тут же бросила её на землю.

— Пинь-пинь, оччень жжётся. Я не вижжу, не вижжу тут ниччего любопытного,— обиженно застрекотала синица и упорхнула в кусты. А дятел полетел к полуночнику-козодою. Он нашёл его в сосновом перелеске. Козодой крепко спал на земле и походил на длинную головёшку, покрытую серым пеплом.

— Послушай! — разбудил его дятел.— Гусеницы объедают яблоню!

У тебя такой широкий клюв, что ты проглотишь их без труда, как глотаешь ночных бабочек.

Добрый козодой не заставил себя упрашивать, бесшумно взмыл с земли, легко понёсся вперёд на своих узких мягких крыльях.

— Хлоп! — исчезла гусеница в широком клюве, и упал козодой с ветки и долго лежал под яблоней совсем как мёртвый от боли. А потом поднялся на коротеньких ножках, тихо побрёл в траву.

— Кажется, я целого ежа проглотил,— сказал он дятлу.— Вот как жжёт у меня в горле. Не могу больше.

Долго-долго летал дятел, самых разных птиц звал: и скворцов, и ворон, и соек — никто не мог спасти яблоню. Злые гусеницы точили её, она засыхала, желтела, умирала.

Тогда решил лесной лекарь просить совета у самой умной птицы — серой совы-неясыти. Она жила в дремучей еловой глуши, в замшелом пеньке-обломыше.

— Позови кукушку,— сказала она.

— Кукушку?! Вы шутите, тётенька,— удивился и обиделся дятел, приподняв хохолок.— Весь лес знает, что она самая пустая птица. Не вьёт гнёзд, не выводит птенцов, кукует да смеётся. Совсем бесполезная птица!

— Слушай, глупый, когда тебе говорю я,— рассердилась сова.— Бесполезных птиц не бывает! Разве только куры, которых зачем-то держат люди. Зови кукушку! Живо!

Тут неясыть так захлопала крыльями, так защёлкала клювом, так ярко загорелись её глаза, что дятел струхнул и бросился наутёк. Известно: с совой плохие шутки. Неясыть — что баба-яга: захочет — совет даст, захочет — с перьями съест.

Долго искал дятел кукушку. Бестолковая птица не жила на месте, всё летала, всё куковала. Наконец нашёл её в осиновой роще за ручьём.

— Не сможете ли вы помочь нам? — очень вежливо сказал дятел, приподнимая свою красную шапочку-хохолок.— Нашу старую яблоню объедают волосатые гусеницы.

— Ху-ху-ху, хи-хи-хи,— засмеялась кукушка.

— Что же вы смеётесь?

— Да просто мне смешно. Хи-хи. Какие вы глупые. Испугались гусениц! Ку-ку, ку-ку! Да я их в один момент... хи-хи-хи-хи.

— Сначала съешь, потом хвастай,— рассердился дятел и застучал клювом.

— Пожалуйста...

Кукушка напрямик полетела к дереву.

— Хлоп! — вот и нет первой гусеницы. Дятел ждал, что хвастливая птица упадёт в обморок.

Ничуть. Она скакала по веткам и клевала гусениц одну за другой. Чик — и нет, чик — и нет! Съела всех и захохотала:

— Ку-ку, ку-ку! Ха-ха-ха. Хи-хи-хи.

ГОРЬКАЯ БЫЛЬ

Это был тихий лесной уголок. Здесь стояла очень дряхлая осина, семья ёлочек поднималась около неё, тонкие берёзки окружали поляну. А на поляне росла немятая трава, дикие цветы и колючий шиповник. И весь уголок от макушек деревьев до подземных корней был заселён лесным народцем.

У подножия осины стоял муравьиный замок. В большом дупле жил дятел. В дуплах поменьше — летучие мыши. Рябой дрозд устроил в ёлочках своё глиняное гнездо. На листьях водились цветные жуки. В траве — травяные букашки, зелёные кобылки, усатые кузнечики. А в самой земле, в глубоких норах, жили полевые мыши, бархатный крот, серая жаба, крошечные землеройки, скользкие червяки и личинки с шестью ножками, личинки без ножек, личинки с двумя хвостами...

Нет, не перечислить всех жителей лесного уголка — слишком их много. Как славно было здесь ранним июльским утром, когда роса осыпала листья, блестела на паутине, на шляпках грибов, на еловых иглах. Как чудесно свистал свою песню дрозд. Как хлопотливо всё пробуждалось и начинало прыгать, бегать, кричать и петь. Негромко постукивал дятел, бабочки и осы вились над цветками, муравьи суетились под осиной, а розовый шиповник наполнял воздух тонким нежным запахом.

Даже в глухую тёмную ночь здесь было хорошо. Тогда светляки загорались в траве, летучие мыши кружились над макушками и маленькая сова-сплюшка баюкала всех своим тонким криком:

— Клю-клю, сплю-сплю.

Жители берегли свой уголок.

Лесной доктор — дятел выстукивал больную осину и съедал жуков-короедов. Муравьи уносили сор. Дрозд пел песни. Жаба ловила комаров. Мохнатые пауки подстерегали кусающих мошек, а крот под землёй отыскивал личинок, которые грызут корни. Все трудились и хлопотали. А когда приходила зима, забирались лесные жители в свои норы, прятались под мох и листья, засыпали, тепло укрытые снежной шубой, до первых весенних ручьёв.

Так жили себе, поживали птицы и зверьки, козявки и букашки, пока не встретились с бедой.

Разыскала лесной уголок буйная ватага мальчишек. Они ломали ветки и качались на берёзах, мяли траву и рвали цветы. Они полезли на осину и вытащили из дупла птенцов, распинали муравейник, угнали птиц, растоптали жабу.

А потом они набрали веток и разожгли костёр.

— Мы индейцы! Мы путешественники! Мы дикари! — кричали хулиганы, прыгали, хохотали, бросали ветки в огонь.

Когда баловаться уже надоело, все вдруг заторопились домой. Некогда тушить костёр, нет поблизости воды. «Сам потухнет!» — решили мальчишки и побежали прочь.

А костёр всё горел и горел.

Ветер раздувал его, нёс искры на траву. Печальный дятел сидел у опустелого гнезда на осине, вытирал слёзы о ветку: «Гадкие, дрянные хулиганы. Зачем они унесли птенцов? Зачем растоптали муравейник, измяли траву, обломали берёзки? Зачем разожгли этот страшный огонь, он никак не хочет потухнуть».

Птицы, зверьки, насекомые со страхом глядели на трескучее, рыжее чудовище, которое стаями сеяло искры на все четыре стороны.

Вдруг одна искра упала на раскиданный муравейник. Задымилась сухая хвоя, и вытянулся над ней жёлтый язычок.

Ох, как засуетились муравьи, как закричал дятел, как пискнули испуганные мыши.

— Спасайтесь! Скорее! Пожар идёт!

Тут летучие мыши вылетели из своих дупел. Сова-сплюшка кинулась наутёк, и дождём посыпались кузнечики, и пауки побежали прочь, и осы закружились роем у своего осиного гнезда. А огонь уже охватил ёлки. Он бушевал всё сильнее, раздуваемый ветром, жёлтый, горячий, страшный огонь.

Напрасно пытались муравьи затушить его. Напрасно хлопали крыльями дрозды, спасая беспомощных птенцов. Всё бежало, металось, гибло.

Пожар полз дальше, палил деревья, жёг траву, пока не остановили его лесники, прибежавшие с лопатами и водой.

Печально было следующее утро. На месте весёлого лесного уголка осталась чёрная гарь, унылое пепелище.

Не было больше весёлых цветов, не жужжали осы, не летали разноцветные бабочки. Задохнулся крот под землёй. Погибли медлительные личинки. Всё было пусто, черно и тоскливо. Только птицы кружились над пожарищем — искали своих птенцов.

ЖИВАЯ ВОДА

В тинистом лесном болоте, где качались тонкие камышинки, жил зелёный лягушонок. Целые дни он купался в тёплой болотной воде, ловил водяных козявок, хватал длинноносых комаров или взбирался на плотный лист калужницы и нырял лапками врозь, так что дух захватывало.

Очень славно было жить на свете! Лето жаркое, вода тёплая, пищи много. Поглядывай, чтоб не съела тебя цапля, и резвись вволю.

Но однажды подплыл лягушонок к своему листику и еле-еле, еле-еле влез на него.

— Ф-фу! Квак... быстро стали расти эти листья. Ух, квак... страшно прыгать! Ух, квак... высоко!

Всё же он решился нырнуть. Вытянул лапки, закрыл глаза... бултых! И... воткнулся носом в ил.

Еле выбрался незадачливый прыгун из вязкой тины. Долго чихал, кашлял, протирал глаза обрывком мягкой водоросли, а потом поплыл разыскивать новый листок, пониже.

Плавал-плавал — ничего подходящего не нашёл. Все листья и стебельки высоко над водой, никак на них не запрыгнешь.

— Вот квак! — изумился лягушонок.— Никогда не видел, чтоб так быстро всё росло.

Ему, глупому, в голову не приходило, что болото просто обмелело от жары.

Прошло две недели. Всё это время солнышко так припекало, что осталась от обширного болота лишь грязная лужа на самом глубоком месте. Заметался болотный народец. Куда деваться?

Жуки-плавунцы первыми покинули болото. Вылезли на травинки, расправили тонкие крылья и улетели. Разбежались пауки-серебрянки, уползли водяные скорпионы, ускакали водомерки и гладыши. Важные тритоны забрались под камни. Пиявки с личинками зарылись в ил... Пришла очередь лягушкам уходить из родных мест. Рано-рано собрались они в путь, вылезли на берег и решили идти куда глаза лягушечьи глядят: одни — направо, другие — налево. Лишь бы воду найти.

Быстро скакал вперёд зелёный лягушонок. Прыгать было легко: трава стояла мокрая, солнышко чуть пригревало. По пути он ловил зазевавшихся букашек и думал о новом тёплом болоте с тихой водой и мягкими водорослями.

Глупый, глупый зелёный малыш! Где ему было понять, что давно пересохли окрестные болотца, даже ключи подземные иссякли, даже большая река обмелела.

Выше-выше поднималось солнце, стало в луговой траве жарко, как в истопленной печке. Приуныл глазастый лягушонок. Сохла, болела его нежная кожа. Он прыгал реже и реже, а к полудню уж едва ковылял, разинув рот.

«Ох, квак душно! Квак хочется пить! Квак мне добраться до лесу?»

Вот уже и в глазах темнеет. Последний прыжок... Захватив голову лапками, свалился лягушонок в прохладную тень леса.

Долго не мог он прийти в себя, а когда отдышался, нашёл влажную моховую кочку, забился в неё с головой. Ему было так же тяжело, как бывает человеку, если он слишком долго загорает под солнышком без привычки.

Но едва спала дневная жара, снова запрыгал маленький путешественник дальше от леса, ближе к воде. Без отдыха, без отдыха вперёд и вперёд.

Прошла ночь, наступило утро, снова жжёт горячее солнце, а воды всё нет и нет. Хоть бы капельку росы одну-единственную. Из последних сил плетётся лягушонок, а кругом всё сухо, знойно, горячо, и снова темнеет в глазах.

«Смерть моя пришла»,— подумал малыш и без памяти растянулся на пыльной дороге.

Тут бы конец лягушонку и сказке, если б не появилась вдали над лесом низкая мрачная туча. Она приближалась, блестела молнией, ворчала громом — синяя дождевая громада. Как ждали её хлеба, сухие травы, пыльные листья! Вот скрылось солнце, засвистал ветер, полетела пыль, стукнули первые капли. И хлынул такой ливень, будто стена сверкающих прутьев встала от земли до самого неба.

Зашевелился зелёный лягушонок. Подполз к ручью, что бурлил вдоль дороги, плюхнулся в него, и принёс ручей лягушонка прямо в пруд с тихой водой и мягкими водорослями.

ПРО ХРАБРЫХ ДРОЗДОВ

Жил-был в сосновом бору ястреб-перепелятник. Сам серый, грудь в полосках, клюв крючком, лапы когтистые. Хоть не велик он ростом, всего-то с галку, зато злости у него больше, чем у орла.

Едва солнце осветит верхушки самых высоких сосен, вылетает он на добычу, страх наводит на жителей леса.

Поёт пеночка на осинике, радуется тёплому утру да голубому небу, и

вдруг... зашумят над ней крылья. Хлоп! Качается задетая ветка. Кружится в воздухе пух. Нет птички. Унёс её ястреб и съел вместе с перьями. Отдохнёт, почистит клюв — снова мелькает ястребиная спина меж деревьев, медленно машут узкие крылья, зорко смотрят хищные глаза.

Бежит ли мышь в траве — схватит; летит ли птичка — сшибёт; жук крупный поднимается — и его настигнет. Ни житья, ни проходу не стало от этого разбойника.

Все без оглядки от него прячутся: зверьки в норы, птицы в листву, жуки — на землю лапками кверху. Горе тому, кто скрыться не успел.

Совсем загордился перепелятник и похвастал своему старшему брату, большому ястребу-тетеревятнику:

— Я, брат, никого в лесу не боюсь. Нет меня ловчее, нет меня смелее. Захочу — на медведя кинусь! Только шерсть из него полетит!

Усмехнулся большой ястреб.

— Слетай-ка,— говорит,— к дроздам-рябинникам. Поглядим, как они тебя испугаются.

— К дроздам?! Вот невидаль! Да я их...— задохнулся от злобы перепелятник, серой молнией сорвался с вершины и понёсся в дальний конец леса.

«Сперва я их всех по одному переловлю,— думал перепелятник.— Потом птенцов из гнезд повытаскиваю... Потом гнёзда на землю сброшу, на клочки порву». И посмеивался он злобно, махал крыльями всё быстрее.

А рябинники жили в мелком леске, недалеко от опушки. Чуть не на каждой молодой сосёнке лепились их прочные гнёзда.

Были дрозды смелые, умные, дружные птицы. Ничего не делали в одиночку. Гнёзда строили вместе, птенцов кормили вместе, вместе песни пели, вместе врагов отбивали. Совы, сороки и сойки никогда не залетали сюда. Даже страшный ястреб-тетеревятник, который ловил глухарей и зайцев, далеко облетал дроздовый посёлок. Знал старый разбойник, как встречают дружные птицы непрошеных гостей.

Едва злой перепелятник появился над опушкой, как громко застрекотали дрозды-сторожа.

— Тревога! Сюда! Готовься к бою! — весь посёлок разом взвился в воздух. Сорок дроздов со всех сторон обрушились на серого хищника.

— Бей врага на подступах к гнезду! Не давай опомниться!

— Собирай друзей со всего леса!

— Каждый по пёрышку, каждый клювом!

— Окружай разбойника со всех сторон!

Птицы клубком завертелись над опушкой. А на помощь передовым

мчались зяблики, коньки, зорянки — все, кто жил под защитой рябинников.

Шум, крик, гомон, писк! И посыпались со злого ястреба перья, как из распоротой подушки.

Ощипанный, избитый, с выклеванным глазом, едва ушёл перепелятник от разъярённых птиц. С тех пор он никогда не залетал в сосняк, а дружные рябинники спокойно выводили птенцов и пели свои скрипучие песни.

ГРИБ КРАСИВЫЙ ДА ГРИБ НЕКРАСИВЫЙ

Под сосёнкой в глухом лесу росли два гриба. Одного звали Мухомор Красная Шапочка, другого — Груздь Белое Ухо. Мухомор был тонкий, стройный, пояском кругом подпоясанный; Груздь — широкий, крепкий.

Каждое утро, как только солнышко покажется, грибы вежливо спрашивали друг друга о здоровье:

— Не сухо ли вам, Красная Шапочка? — говорил Груздь.

— Спасибо, пока всё хорошо,— отвечал Мухомор.— А как вы себя чувствуете, Белое Ухо? Не точат ли вас червяки-гриботочцы?

Так и жили Мухомор с Груздём душа в душу. Днём в тени сырой прятались, ночью от жары отдыхали. А когда совсем выросли, стал Мухомор красивый, высокий, шапка, как сафьян, красная, в мелких белых точках. Заважничал Мухомор, над всеми смеяться стал, даже над червяками-гриботочцами. И все его боялись — ведь он был ядовитый,— далеко кругом обходили. Одни мухи иногда прилетали. Увидит муха на шляпке Мухомора светлые росинки, захочет напиться, сядет, попьёт и лапки вверх — пропадает. А Мухомор посмеивается:

— Вот как напилась, сразу до смерти!

Но скоро и мухи на Мухомор не стали садиться. Скучно ему, посмеяться не над кем. Тогда принялся Мухомор соседа дразнить.

— Эй ты,— говорит,— зачем растёшь! Никто тебя не видит, никому ты не нужен, ухо свиное! Все равно попусту сгниёшь, гриботочцы съедят. Гляди, меня и дождь не мочит, и червь не точит. Все меня боятся.

Скромный Груздь ничего не отвечает, а Мухомор снова:

— И от земли-то тебя не видно, весь во мху да в сориниках увяз.

Посмотрит Груздь на себя — нечем гордиться, вздыхает он и молчит.

Долго Мухомор над Груздём смеялся, да однажды раздвинулись сосновые ветки, появился мальчик с корзинкой, увидел груздь и обрадовался:

— Вот какой славный, кругленький, полезай скорее в корзинку!

Срезал его осторожно, а корешок в земле оставил, чтобы ещё здесь грузди выросли, и хотел дальше идти. Разозлился тогда важный Мухомор, что его не замечают, а Груздь какой-то ничтожный хвалят, шапка на нём из красной в огненную превратилась. Тут мальчик его и заметил.

— Ну и поганка, какая красная да большая,— проговорил он, пнул Мухомора и дальше пошёл грузди искать.

Так и кончилась жизнь важного Мухомора.

ПРИШЛА ОСЕНЬ

Хотя не дули ещё прохладные ветры, не мочили скучные дождики, все лесные жители знали, что скоро подойдёт зима. И они хлопотали кто как мог, чтобы устроиться на зимовку получше.

Медведь копал себе берлогу под корнями высокой ели, а когда уставали у него лапы, шёл искать пищу. Он ел ягоды, ел грибы, слизывал муравьёв, откапывал съедобные корешки, ходил на поле жевать овёс и никак не мог наесться. Растолстел медведь, маленькие глазки совсем стали крошечными, но всё боялся он, что не хватит жиру на долгую зиму.

Полежит немного, подумает, потычет лапой в тугой живот, опять бродит по лесу, ищет корм.

Не отставал от медведя полосатый барсук. Целые дни сидел у болота, ловил лягушек и ел их десятками.

Рыженькая белка собирала грибы, сушила на веточках, а между делом строила тёплое моховое гнездо, круглое, как шар.

Полевые мышки тащили в норы колосья, зёрна, семена и травинки. А совы ловили мышей и складывали в дупла про запас.

Глухари, тетерева и рябчики вылетали на лесные дороги, клевали мелкие камушки и гальки, чтоб было чем перетирать в желудке грубую зимнюю пищу. Пока тепло, так и брусники поклюёшь, и жучка прихватишь, и гусеницу раздобудешь, а вот зимой ешь одну хвою с берёзовой почкой да вспоминай, как летом обедал.

Мелкие птички готовились к отлёту. Собирались в стаи, кружились над лесом, пробовали крылья. Молодые учились у старых. Если бы послушать птичьи голоса, так и доносилось бы со всех сторон:

— Как ты летаешь?

— Кто тебя так учил?

— Почему перья не почистил?

— Почему нос грязный?

— Посмотрите, как хорошо летают мои детки!

— Ох, у меня в крыле сидит дробинка. Не знаю, как мне быть.

Но вот и кончились ясные дни. Первым холодом дохнула зима. Закружились сорванные листья. В одну ночь посветлели леса. Опавшим листом укрылись травы. Тоже и листья не зря падают.

Перелетные птицы потянулись на юг.

— До свидания, прощайте,— пищали пеночки, малиновки и славки. Они тронулись в путь от ельников к осинникам, из осинников в берёзовые рощи, через поля, через реки — подальше от зимы.

А над их опустелыми гнёздами уже падали снежинки, зябко трепетали последние листья. И ползли без конца, без края из-за сизых хвойных увалов низкие пухлые тучи. Уходила осень — надвигалась зима.

Теперь прятались лесные жители. Кто в траву, кто под корни, кто в норку. Нет тепла — нет жизни. Холодеет кровь, слабеют силы, хочется спать. Вот ящерица свернулась под корнями. Бабочка спит под корой. Пауки укрылись в сухой дудке пустырника на лесной поляне. А в поле остались осенние цветы. Они не доцвели. Так и ушли под снег с раскрытой головкой полевые анютки, пастушья сумка да жёлтая ярутка. Дремлют, ждут весны.

БЕРЁЗОВЫЙ ЛИСТОК

История третья

Солнышко всё реже выглядывало из-за туч. Хлопотливая синица давно уже вывела птенцов, сердечно попрощалась со старушкой-берёзой, с листьями и улетела.

— Прощай,— шелестели ей вслед листья,— счастливый путь.

По ночам берёзовый листок сжимался, краснел от холода. И другие листья тоже стали желтеть, краснеть, и вся берёза из зелёной превратилась в жёлтую.

Снова пробежали ребятишки. Теперь они торопились в школу, загорелые и крепкие. Русая девочка подросла. Она кричала громче всех:

— Смотрите, наша берёза как золотая!

Листок едва слышал её голос — он засыпал. Всё меньше соку текло по его жилкам. Да и зачем сейчас сок, когда так холодно, лучше тихо качаться на ветке и засыпать.

Резкий ветер прилетел с севера, согнул вершину старой берёзы, рванул засыхающий листок. И вдруг он оторвался от ветки и вместе с другими листьями заколыхался в холодном воздухе.

«Так даже лучше,— обрадовался листок,— сейчас я полечу на юг, вместе с птицами. Они говорили, что там тепло-тепло».

Но листок летел недолго. Он упал в светлый ручей, поплыл вниз по течению, да скоро намок и опустился на дно. На дне жили личинки ручейников. Они строили себе домики из опавших листьев. Одна личинка подхватила листок и скрутила из него домик-трубочку.

А на месте опавшего листа, на голой ветке, в маленькой почке опять спал новый листок. Когда наступит весна, он расскажет вам новую сказку, наверное, лучше этой.

ОСТРОЗУБИК И ДЛИННОУСИК

Недалеко от реки, на пригорке, была узкая нора. С незапамятных времён жили в ней серые полевые мыши. Они вырыли под пригорком длинные ходы, и стал он похож на трухлявое дерево, сплошь источенное жуками-точильщиками.

Однажды зимой замело пригорок таким глубоким, тяжёлым снегом, что обвалились подземные переходы, разбежались мышки кто куда. Лишь одна самая глубокая нора уцелела, и остались в ней два малюсеньких мышонка, ростом не больше напёрстка. Они жили тут потому, что идти из тёплого гнезда им не хотелось, а еще потому, что их маму — толстую полевую мышь Белогрудку — недавно съел хорёк.

Куда же пойдёшь зимой в холод и снег да ещё без мамы?

Мышата были серые, черноглазые, с длинными хвостиками и тёмной полоской вдоль спины. На вид как будто совсем одинаковые. Впрочем, так только казалось. Ведь на свете не бывает ничего совсем одинакового. Даже две дождевые капли разные: в одной воды чуть побольше, в другой — чуть поменьше.

Оба мышонка родились тоже немного разные. У одного были длинные чуткие усы, зато у другого — острые зубы. И потому звали их Длинноусик и Острозубик. А уж по характерам братья ничем не сходились. Острозубик рос бойким, умным и смелым, Длинноусик — хилым, медлительным и ленивым. Только потому и не съел их хорёк: Острозубик успел шмыгнуть в нору, а Длинноусик издалека почуял врага и не посмел даже мордочки высунуть.

Трудно приходилось братьям. Зима приближалась к концу, и корма в мышиной кладовке почти не оставалось. Всего-навсего десяток зёрен, три дохлых жука да одна дряблая морковка. Конечно, можно бы сбегать под

снегом на ржаное поле, поискать оброненных колосьев или в деревню к домовым мышам крошек выпросить. Но наверху подстерегал жадный хорёк, и желтоглазый сыч-воробей каждую ночь прилетал караулить у норы. Два хищника, крылатый и четвероногий, терпеливо дожидались, когда хоть один глупый мышонок вылезет из норы.

Мышата голодали.

— Всё-таки я попробую достать чего-нибудь поесть,— сказал Острозубик.— Нельзя больше так жить. Мне каждую ночь снятся ржаные зёрна, такие вкусные, что я съел бы их штук сто сразу.

— А я бы съел целую тысячу! — пищал Длинноусик.— Пойди поищи. Мне что-то нездоровится. А то бы... я бы... тоже бы...— и он погладил свои длинные чёрные блестящие усики.

Острозубик дождался ночи. Тихо-тихо прокрался к выходу. Высунул кончик носа наружу. Принюхался. Хорьком не пахло. Он выставил одно ухо — тишина, выглянул одним глазом — никого. Висит над лесом бледный месяц, блестит снег голубыми искрами, далеко-далеко горят огоньки в деревне.

«Побегу туда! Может быть, принесу корочку такого вкусного-превкусного хлеба!» — он проглотил слюнки и пустился бежать по снегу, как маленькая заводная игрушка.

Вдруг чёрная крылатая тень закружилась над ним. Жёлтые очи блеснули во тьме. Сыч!

Острозубик прыгнул в сторону — сыч мягко упал в снег. Поднялся — и началась погоня. Мышонок мчался со всех ног, прыгал в стороны, но и маленькая сова не отставала. Она стремительно обгоняла малыша и падала вниз, вытянув когти. У самой норы сыч настиг мышонка, крепкие когти царапнули по спине, но Острозубик вывернулся и кубарем скатился под землю.

— Ну! Давай скорее есть! — встретил его братец.— Как быстро ты вернулся.

— Я ничего не принёс. Сыч чуть не поймал меня... Ой, как болит спина,— пропищал Острозубик, сел на задние лапки и стал лизать ноющую рану.

— Но я же хочу есть! — не унимался Длинноусик.— Ох, я съел бы сейчас даже гнилую картошку!

— Тогда иди сам,— рассердился Острозубик.

— Ну, нет! Лучше умереть с голоду, чем попадать в когти сычу,— сказал Длинноусик и не двинулся с места.

Прожили они ещё один день, и второй и третий, всё время думая о том, что бы такое поесть.

Мышата ослабели, шерсть их взъерошилась, бока ввалились, а чёрные глазёнки горели жадным, голодным блеском.

— Послушай! Ведь у нашей тётки Рыжеспинки, наверное, осталась полная кладовая. Сыч поймал тётку перед самым снегом,— вдруг вспомнил Острозубик.

— Конечно! Ура! — обрадовался Длинноусик.— Полная кладовка! А там овёс, и пшеница, и конопля, и картошка! А как достать?

— Надо прорыть ход вверх. Ведь тётка жила над нами! Пойдём скорее...

— Ох, пойдём...— согласился Длинноусик, и они поднялись в верхний отнорок.

Не раздумывая долго, Острозубик стал копать. Земля с трудом поддавалась ему. Он скоблил её когтями, кусал зубами, отбрасывал задними лапками. А Длинноусик суетился, указывал, мешал брату и торопил его.

Едва усталый Острозубик садился отдохнуть, Длинноусик начинал стонать и плакать. Он пищал, что умирает с голоду, но не выбросил ни одной горсточки земли, ни одного самого лёгкого комочка.

Переведя дух, Острозубик снова лез в отнорок и копал, копал, копал.

— Рой скорее! Уже пахнет зёрнами! Я чую! Я чую! — кричал ему ленивый братец, потирая лапки от нетерпения.

Наконец рухнула, отвалилась земляная стенка. Острозубик пролез в нору Рыжеспинки. А Длинноусик уже опередил его.

Какое счастье! Кладовка была полным-полнёхонька. Здесь лежали грудами зёрна, сушёные травы, целые колосья, семена конопли, картофель, даже корочки ржаного хлеба, которые запасливая тётка принесла издалека, да так и не успела съесть.

— Вот как здорово! Вот как славно! Это я учуял! — торжествовал Длинноусик, уплетая самую вкусную хлебную корку.

Острозубик ел молча. Он очень устал. Его серая шерсть была испачкана, лапки стёрты до крови. Он промолчал даже тогда, когда сытый лентяй Длинноусик стал смеяться над его чумазой мордочкой и обломанными когтями...

Много ли, мало ли времени пробежало с тех пор — наконец пришла весна. Снег оседал на солнцепёках; превращался в мелкие ручейки. Они звенели по логам и овражкам, мчались по лесным дорогам, все вместе скатывались в большую реку, по которой плыли грозные льдины. Весна! Весна! Она чувствовалась даже под землёй. Теплом и свежестью веяло в нору, талая вода сочилась сквозь стенки, в кладовке прорастали семена и зёрна.

Большая река разлилась, стала затоплять луга. Мыши, кроты, землеройки — все спешили убраться подальше в лес. Лишь два серых мышонка по-прежнему жили в своей норе, не зная о надвигавшейся опасности. Братья не выходили из норы ни днём, ни ночью. Конечно, если б жива была мама Белогрудка, она увела бы детёнышей в лес. Но ведь Острозубик и Длинноусик были круглыми сиротами. Обоим вместе им не исполнилось ещё и года. Они беспечно жили до того дня, когда вода окружила пригорок и хлынула в нору.

Захлёбываясь, задыхаясь, выскочили мышата на поверхность, вскарабкались на трухлявый пень.

Вода прибывала, затопила луг до верхушек кустов и уходила всё дальше от пенька по направлению к лесу.

— Поплывём! — пискнул Острозубик.— Мы ещё успеем выбраться. Земля недалеко.

— Ой, ой! — заплакал Длинноусик.— Не хочу! Страшно! Я не умею плавать, я боюсь! Лучше подождём, может быть, вода уйдёт обратно.

Он стонал так жалобно, так горько, что брат согласился обождать.

А вода прибывала. К вечеру до самой лесной опушки гуляли волны. Льдины, ветки, брёвна плыли по реке. Лишь узенький край пенька ещё поднимался над поверхностью разлива, и на нём, тесно прижимаясь друг к другу, сидели мокрые испуганные мышата.

— Пропали мы теперь,— говорил Острозубик.— Сейчас зальёт пенёк совсем, а до земли не доплыть.

Ничего не отвечал Длинноусик, только дрожал мелкой дрожью.

Ледяная вода подошла к лапкам.

— Прыгай,— пискнул Острозубик, пускаясь вплавь.

А Длинноусик? Он словно окаменел со страху. Свалился в воду, дёрнулся раза два, и «буль, буль, буль, бли» — пошли пузырьки на том месте, где он утонул.

Зато Острозубик не сдавался. Бойкий мышонок продвигался вперёд, как моторная лодочка. Две маленькие волны-бороздки расходились в стороны от его головы, быстро-быстро работали лапки.

«Если будешь ты тонуть — греби изо всех сил, если будешь гореть в огне — беги, пока не упадёшь, если ты попал в мышеловку — грызи железо, пока не сломаешь все зубы, может быть, перекусишь хоть один прут. Никогда не сдавайся»,— так учила его мама — умная мышь Белогрудка.

Сейчас он вспомнил её наставления и плыл, плыл, плыл.

Но не видно берега, коченеет тело, нельзя остановиться, нельзя отдохнуть. Уже несколько раз он хлебнул воды и держался на поверхности

каким-то чудом. А когда иссякли последние силы, Острозубик увидел впереди верхушку куста — одну тонкую веточку, которая выступала над водой. Подплыв к ней, мышонок крепко ухватился лапками, подтянулся, вылез из воды. Только бы вода не поднялась выше!

Солнце опустилось за лес. Холодная ночь наступила. Острозубик всё ещё сидел на ветке. Он продрог. Его тряс озноб. Лапки его затекли. Когда невозможно было им держаться, он вцеплялся в ветку зубами и висел над тёмной водой, маленький серый храбрец. В конце концов не стало у него силы, сами собой разжались зубы. Он полетел вниз, но... упал на что-то твёрдое, гладкое. Лед! За холодную ночь заводь покрылась тоненькой плёнкой.

Едва Острозубик почувствовал, что под ногами твёрдо, он кинулся бежать к лесу. Он летел, как пуля, согрелся на бегу и, выскочив на берег, стал сухой и тёплый. Даже насморка у него не было, потому что лесные ребята здоровее городских. Вот и вся сказка про маленьких серых мышей.

КУЗИНА ЖИЗНЬ

Кузя — пуховый птенчик. Сидит он вместе с девятью своими братьями в тёмном дупле. Ему всё время хочется есть. Кузя таращит глазёнки, вытягивает шею и пищит, пищит, пищит.

За стенками дупла тихо. Только ветер дудит да сосна покачивается взад и вперёд, взад и вперёд. Кузя ждёт. Он знает тот шорох, когда прилетает мама — белощёкая синица-кузнечик, с чёрной полоской на жёлтом брюшке. Мама всегда приносит что-нибудь вкусное: большого лесного паука, толстую гусеницу, мягких ночных бабочек. Жаль, что принесённого не хватает на десять жадных клювов. Но Кузя самый бойкий. Он лезет вверх, подминает братьев под себя и трепещет отрастающими крылышками, захлёбываясь от писка. Ему всегда достаётся больше других. Насытившись, он уступает место братьям, усаживается поглубже и затихает, закрыв глаза. Он сыт, ему пока ничего не нужно.

Но сейчас он голоден.

— Зи-зи-зи,— кричит Кузя.

И вот он, знакомый шорох. Это прилетел папа с полным клювом мух и мелких гусениц. Все птенцы жадно тянутся к нему, и папа поочерёдно суёт корм в раскрытые до невероятности клювы детишек. Кузя, конечно, поспел вперёд. Теперь можно передохнуть, пока снова не захочется есть. Раз двести тянется Кузя за кормом и в конце концов очень устаёт. Когда

иаступает иочь и в дупле становится темио, сюда залезает тёплая, пушистая мама. Она прнкрывает птенцов распущенными крыльямн, словно одеялом, и спнт над иимн, стоя на ножках, очень добрая, очень храбрая, всегда готовая кинуться на любого врага, мама. А папа караулит снаружн.

Быстро бегут днн, вместе с ннмн растёт н Кузя. Уже развернулнсь пёрышки иа его крыльях. Исчезли с головы длинные пушннки, растёт коротенький хвостнк. Кузя иаучнлся махать крыльями, ощипываться, чистить свой птенцовый наряд. Ему ие сидится на месте, хочется узнать, что светнт там, в отверстнн дупла. Он лезет на своих братьев, карабкается, падает. Но Кузя упрямый. Сто раз пытается взобраться, сто раз летнт кувырком, лншь в сто первый раз достигает отверстия дупла.

Ай! Как светло тут. Птенец жмурнтся от яркого солнца, с удивлением оглядывает веткн н лнстья. Ои наклоняет голову. Там, далеко-далеко вннзу, всё зелено, а сннне головкн цветов кажутся мелкими точкамн. Глубоко н страшно вннзу. А на краю дупла славно: светло и просторно.

— Пннь-пннь,— сердито сказала синица-мама, подлетая к дуплу.— Зачем ты, глупый, вылез? Разобьёшься!

Эти мамы всегда боятся за своих детей. Она сунула Кузе в рот сннюю муху н столкнула его в дупло.

А дня через три Кузя уже весело махал крыльямн, сидя в отверстнн дупла. Ему очень хотелось летать, но он боялся. Лучше подождать.

Однажды иа заре мама выпорхнула нз дупла н долго-долго не возвращалась. Птенцы проголодалнсь ужасно. Они кричали н звалн всеми голосамн, ио папа и мама ие отзывались. Наконец оин появнлнсь, заглянулн в дупло с полными клювамн корма н... ннчего не дали.

Тогда рассерженный Кузя мигом очутнлся на краю дупла и увидел маму, сидевшую на соседией ветке.

— Иди, ндн,— тоненьким писком звала мама, маня сына к себе. Кузя боялся, кричал, а она сидела неподвижно, словно не слышала его просьбы. Будь, что будет! Кузя нзо всех снл замахал крыльямн, заболтал ногамн, полетел н неловко уцепнлся за ветку прямо перед маминым носом. Тут же получил он иаграду — очень вкусного золотнстого жука. Следом из дупла одни за другим полезли Кузины братья н сёстры. Всё, что было с Кузей, повторялось до тех пор, пока самая слабенькая сестра ие очутнлась рядом с родителямн.

— Теперь вы уже ие птенцы, а слёткн. Вы должны учиться искать себе корм. Не всё же время вам жить с нами. Ну, полетели,— говорила мама.

И весь выводок синичек тронулся прочь от дупла друг за другом, с веткн на ветку.

Этот день надолго запомнился Кузе. Было тепло и сухо. Крылья всё увереннее переносили его с дерева на дерево. Он не боялся упасть, не страшился расшибиться. Одно было плохо: папа и мама реже давали корм, приходилось искать самому.

Вот Кузя заметил длинную гусеницу, которая неторопливо ползла по стебельку, изгибая своё зеленоватое тело с жёлтой каёмкой по бокам. Он подлетел к ней, раскрыл клюв и умоляюще запищал. Кузя ждал, что корм сам полезет к нему в рот. Ведь так всегда было раньше. Сидя перед гусеницей, Кузя молил и просил её, а она вдруг съёжилась, упала куда-то вниз, в траву. Хорошо ещё, что мама или папа изредка прилетали, совали Кузе какую-нибудь букашку.

Прошло несколько дней. Молодые синички окрепли. Однажды утром они проснулись одни. Ни папы, ни мамы с ними не было. Родители устраивали новое гнездо и совсем забыли про своих детей. Но слётки не испугались, не стали их разыскивать.

Что делать? Надо же начинать самостоятельную жизнь.

Кузя почистил пёрышки, сладко потянулся, весело спрыгнул с вершины в кустарник и тотчас наткнулся на серого усатого жука.

— Зи-зи! — позвал Кузя.

Жук приготовился свалиться на землю, но Кузя рассердился, цапнул усача клювом, прижал лапкой к ветке, раздробил твёрдый панцирь и позавтракал.

Вот оно что! Оказывается, пищу надо хватать самому. Ну, что ж! Тем лучше. Кузя стал шнырять по кустарнику, внимательно оглядывая побеги и листья. Корму было много. Вот бежит по ветке паук-крестовик. Хвать его! Ничего, вкусно. Вот бабочка притаилась в расщелине коры, и её можно съесть.

А вот — красная букашка с чёрными точками на спине. Цап! Тьфу, какая противная! Кузя выплюнул вонючего лесного клопа и уж больше никогда не клевал его. Так кончилось Кузино детство.

Прошло много тёплых и прохладных, ясных и пасмурных дней. Наступила осень с холодными зорями, первыми заморозками и журавлиным криком над пустыми полями; желтели травы, чернели цветы, побрызгивал дождик из скучных туч. Деревья роняли мокрые листья.

Кузя по-прежнему жил в лесу. Стал совсем взрослым, быстро находил пищу, умел спрятаться от ястреба. Братья и сёстры его тоже подросли и держались вместе с другими синичками. Командовал синичьим племенем пёстрый дятел вместе со своим помощником — сизым поползнем.

Дятел летал впереди, находил больные деревья, выслушивал, выстукивал, долбил кору, доставал личинок-дровосеков; синицы подбирали

остатки, искали тлей и паучьи коконы; поползень обшаривал складочки коры. Пищи хватало на всех. Но чем холоднее становились осенние дни, тем меньше было насекомых. А когда выпал первый снег, синицы-кузнечики решили лететь в город. «В городе легче прожить зиму»,— говорили опытные, старые птицы.

И вот Кузя прыгает по улицам, летает по садам, шныряет по балконам, заглядывает в щели и трещины стен. Нет-нет да и вытащит заснувшую бабочку, мохнатого домового мизгиря, зимующую куколку. Весь день заполнен поисками пищи, а к ночи Кузя залетает на тёмный пыльный чердак, спит, прижавшись к печной трубе. Спит чутко, чтобы вовремя услышать, не крадётся ли голодная кошка. Он уже попадал в проволочную западню, побывал в клетке.

В западне Кузя притворился мёртвым, а клетку так издолбил крепким клювом, что семилетний её хозяин был очень рад, когда Кузя протиснулся между прутиками и выпорхнул через форточку на двор.

Вообще в городе жилось не так уж худо, пока не разразился февральский буран.

С ночи подул сильный снеговой ветер, завыл в печных трубах, засвистел на чердаках. Морозной пылью дымились крыши. Останавливались трамваи на заметённых путях. Снег валил и валил. Кузя сидел на своём чердаке взъерошенный, озябший. На улицу клюва не высунешь, а есть хочется так, что трясёт голодный озноб. Нахохленный, с закрывающимися глазами, он ждал конца метели и рад был попасть даже в клетку, где всё-таки тепло и сытно.

Ровно через сутки кончилась вьюга. Взошло в сизом тумане негреющее солнце. Жестокий мороз леденил кровь.

Кузя вылез из своего убежища, полетел к мусорному ящику. Может быть, хоть корочка хлеба найдётся там. Но ящик до краёв завален снегом. Кузя слетел на балкон каменного дома. Не висит ли за окном сетка с мороженым мясом? Нет сетки. И около булочной толпятся голодные голуби, и у собачьей конуры сидят нахохленные воробьи.

Тогда из последних сил он помчался к пионерскому парку. Еще издали Кузя увидел целых три кормушки, на краях которых сидели воробьи, синицы, овсянки. Все жадно клевали.

Кузя упал прямо на середину кормушки и начал есть. Захватывал семечко лапкой, быстро расклёвывал маслянистое зерно, даже не хотел отлетать с добычей в сторону, как делают это все синички.

Он чувствовал, как прибывают силы. Стало теплее, глаза раскрылись, перья пригладились. Вот Кузя уже сыт и весел. Он чистит клюв, отряхивается, летит на вершину тополя, который стоит у забора. Усаживается

поудобнее, и к прохожим доносится весёлая простая песенка: «Ци, ци-пи, ци-пи, ци, ци-пи!»

Идут по улице два старика.

— Слышь, как синица звенит — весна скоро,— говорит один.

— Ну, где же! До весны еще месяц ждать,— не соглашается другой.— Делать ей нечего, синице, вот и звенит.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Пасмурно, пусто, бело в полях. Тишина в лесу. И везде снег. Белыми шапочками он лежит на пеньках, на сучьях, на еловых лапах. В снежной перине утонули кусты, мелкие ёлочки засыпаны до макушек. И над всем холодным безлюдьем лишь гуляка-ветер посвистывает, подвывает. Ску-у-у-ч-но, ххxо-лод-но-о... Дует ветер, гонит позёмку, рассыпает серебряной изморозью, а когда устанет, придёт на смену ему мороз. Ледяными иглами украсит стволы и ветки, опушит инеем края тёплых родников. Никак не мёрзнут они, не закроешь их льдом. Уж не сама ли Весна спряталась там, ждёт своей поры?

Да пока не время ей выходить, и хозяйничает над землёй Зима — ночь года, сон лесов и полей.

В зимнюю стужу даже нам с тобой, мой маленький читатель, хорошо посидеть в тепле, послушать сказку и поспать дольше.

Так не хочется вставать в потёмках с постели. Да ведь тебе надо в школу, а мне на работу.

Зато лесные жители никуда не спешат. Нечего делать в сугробном лесу.

Спит медведь в глубокой берлоге. Спят ежи, укрытые листьями. Оцепенели летучие мыши в дуплах, жуки и бабочки в пеньках и колодах. И рыбы заснули в тёмных омутах, и лягушки во мху, и личинки под землёй.

Дремлют деревья в сонном зимнем царстве.

Только самые бодрые птицы и звери не спят зимой.

Трудно им, голодно и страшно, да они и не умеют плакать, не жалуются никому.

Мелкие синички с рассветом поднимаются. Едва посветлеет восток, они уж копошатся в вершинах сосен, ищут тлей, пауков, букашек. Так целый день: от дерева к дереву, от кустика к кустику. Нашёл корм — сыт и весел. не нашёл — ослаб и замёрз. А к вечеру, сбившись стайкой,

они садятся тесно рядом, чтобы потеплее. И спят, прикрывая друг друга крылышками, всю долгую морозную ночь.

Глубоко дремлет лес зимней ночью, а всё-таки не замирает совсем. Какие-то тени нет-нет и скользнут по снегу, где-то затрещат ветки, тягучий вой волков изредка пробудит тишину. И, прислушиваясь к голодному воплю страшных хищников, захрапят, затопчут лоси в осиновом болотце. Дыбом встанет шерсть на их могучих шеях. Насторожится тонконогая черноглазая косуля, прядая ушами, нюхает воздух. Готова бежать в любую минуту.

Обходя освещённые месяцем поляны, в осинники сбегаются зайцы, чтобы поглодать горькую кору молодых деревьев. И туда же, вслед зайцам, неслышно движется лисица с тонкой мордочкой и злыми глазками.

Не зря она крадётся так осторожно.

Пройдёшь на лыжах перед рассветом, и встретятся тебе то клочья заячьей шерсти, то кучка смятых перьев — остатки съеденного филином рябчика, то истоптанный, забрызганный кровью снег. Тут рысь прыгнула на неопытного лосёнка.

Разыграется к утру метель. Мягкий снежок прикроет ночные следы. Опять всё ровно, бело и чисто. Нехотя встаёт морозное солнце. Искрится снег.

Просыпаются птицы.

Снова синички кочуют по вершинам, зайцы отлёживаются в сугробах. Тетерева кормятся на берёзах. Снегири ищут нетронутый ягодник. Пёстрые щеглы летают по репьям.

Как-нибудь пробьются голодную зиму. Вылезет Весна из родников, пахнёт теплом, обогреет солнышком. Настанет новое утро года — легко вздохнут лесные жители.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИБ № 1252

Николай Григорьевич Никонов

СКАЗКИ ЛЕСА

Редактор *С. В. Марченко*. Художник *Н. Н. Моос*. Художественный редактор *В. С. Солдатов*. Технический редактор *Н. Н. Заузолкова*. Корректоры *Е. В. Иванова, Е. И. Ерина*

Сдано в набор 15.02.85. Подписано в печать 15.07.85.
Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 9,9. Уч.-изд. л. 3,8.
Тираж 400000 экз. (1-й завод: 1 — 150000). Заказ 150. Цена 30 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986